

ЛЮБОВНАЯ, ПЕЙЗАЖНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА ЮЛИЯ КИМА

I. V. GRACHOVA. ЛЮБОВНА, ПЕЙЗАЖНА І ФІЛОСОФСЬКА ЛІРИКА ЮЛІЯ КІМА

Юлій Кім є не тільки майстром сатиричних політичних пісень, а й автором любовної, філософської та пейзажної лірики, де поет виступає мудрим філософом, художником, говорячи про любов, про свої переживання, розмірковуючи над вічними темами. Мета даної статті – розглянути та проаналізувати найяскравіші зразки ліричних творів поета. Для ліричних пісень Ю. Кіма характерне звернення до фольклорних образів, вміле використання народної мови і в той же час володіння літературною російською мовою. Його мова поєднує і шиномовні фрази, і розмовні репліки. У серйозних і зворушливих творах завжди знаходиться місце для жарту, глузування, самоіронії.

Ключові слова: любовна лірика, пейзажна лірика, філософська лірика, просторіччя, оксюморон, тема, мотив.

И. В. ГРАЧЕВА. ЛЮБОВНАЯ, ПЕЙЗАЖНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА ЮЛИЯ КИМА

Юлий Ким является не только мастером сатирических политических песен, но и автором любовной, философской и пейзажной лирики, где поэт выступает мудрым философом, художником, тонко чувствующей натурой, говоря о любви, о своих переживаниях, размышляя над вечными темами. Цель данной статьи – рассмотреть и проанализировать самые яркие образцы лирических произведений поэта. Для лирических песен Ю. Кима характерно обращение к фольклорным образам, умелое использование народного языка и в то же время владение литературным русским языком. Его язык совмещает и высокопарные фразы, и разговорные реплики. В серьезных и трогательных произведениях всегда находится место для шутки, насмешки, самоиронии.

Ключевые слова: любовная лирика, пейзажная лирика, философская лирика, просторечие, оксюморон, тема, мотив.

I. V. HRACHOVA. LOVE POEMS, PASTORAL POETRY AND PHILOSOPHICAL LYRICS BY YULIY KIM

Yuliy Kim is not only a master of satirical political songs, but also he is the author of love, philosophical and pastoral poetry, where the poet speaks as a wise philosopher, an artist. In these poems he poet expresses his feelings, he talks about his subtle senses, about love, about his experiences, reflecting on the eternal themes. The aim of this article is to review and analyze the most vivid examples of lyrical works by the poet. The appeal to folk images, skillful use of the national language and the Russian literary language are characteristic features of the lyrical songs by Yuliy Kim. The language of the poet combines both high and conversational phrases. In these serious and touching works there is always a place for jokes, mockery, self-irony. Human relationships are always in the centre of Kim's attention that was reflected in his work. The author likes personality with high moral values, condemns people's violence, dishonesty, impatience, commercialism, greed, spiritual blindness.

Key words: love poems, pastoral poetry, philosophical lyrics, vernacular, an oxymoron, a theme, a motive.

Несмотря на то, что многие критики и зрители считают Юлия Кима лишь сатириком и автором политических антисоветских песен, в его творческом наследии значительное место занимают и лирические произведения. В них отражаются размышления, ощущения, настроения, мысли и чувства поэта, вызванные самыми различными жизненными обстоятельствами. Перед слушателями предстает картина внутренней жизни автора, передающая его индивидуальные переживания. Песни отличаются эмоциональностью, внутренней завершенностью. Среди лирических стихотворений поэта можно различить философскую, пейзажную, любовную лирику.

Изучив творчество Ю. Кима, мы находим около 50 стихотворений, посвященных его жене Ирине, в том числе и цикл «Письма Ирине», свидетельствующий о том, насколько она дорога поэту. Ни один исследователь не упоминает об этих стихотворениях, что является, на наш взгляд, большим упущением. Поэтому целью данной статьи является восполнить этот пробел, рассмотреть и проанализировать самые яркие образцы лирических произведений поэта.

В очерке «Путешествие к маяку» Ю. Ким рассказывает о знакомстве со своим будущим тестем и женой, называя Ирину «черноглазой мышкой», «семнадцатилетней наядой» [3, с. 128]. Поэт вспоминает, что «довольно долго не замечал ее, хотя и не вылезал из их дома: Петр целиком поглощал внимание. Колоритный был человек, и все пространство заполнял своим колоритом» [3, с. 128]. Однако в связи с «долгожданной любовью», возникшей внезапно летом в Крыму, молодому учителю пришлось «покончить с Камчаткой», чтобы навсегда вернуться в Москву. Пребывая в Анапке на протяжении последнего года, Ю. Ким не переставал писать письма Ирине и ждать от нее ответа. Перефразируя стихотворение Лермонтова «Узник» и используя многочисленные восклицания, параллелизм, автор подчеркивает свое огромное желание вырваться на свободу. Ким хочет приехать к своей невесте, больше не откладывая свое счастье ни на минуту: «Отворите мне темницу! / Дайте мне сиянье дня! / Белокаменну столицу! / Черноглазую девицу! / Ведь она там ждет меня!» [3, с. 132 – 133]. Отъезд из Камчатки Ким организовал сам, заказав фальшивую телеграмму о мамином нездоровье, на основании которой уволился из школы. Напоследок ему пришлось пережить бурю, из-за которой были отложены вылеты, что отразилось в его песнях. Свое негативное отношение к капризу погоды автор выражает в обращении к ветру, используя повтор и параллелизмы, бранные слова: «Дуй, ветрище, дуй, смерд! / Вой, подлец! Реви, иуда!». Однако Ким не теряет оптимизма, веря в скорое возвращение к любимой: «Все равно я скоро буду! / Или смерть» [3, с. 134].

В «Путешествии к маяку» автор упоминает долгожданную встречу с будущей женой: «31 декабря, вечером, уже звонил в заветную дверь. Она открыла. Столько счастья и света никогда еще ему навстречу не сияло» [3, с. 134]. Свое «неподдельное чувство» Ким описывает в песнях, широко используя различные стилистические фигуры: анафору, параллелизм, оксюморон («Я приду к тебе смеясь, / Я приду к тебе рыдая»), сравнение («разодетый, точно князь») [107, с. 133].

Спустя многие годы поэт напишет, что их супружеская жизнь складывалась нелегко, «центробежные силы давили так, что узы трещали и лопались по швам, однако не лопнули» [3, с. 134]. Справляя свою серебряную свадьбу, они удивились: «Неужели уже двадцать пять лет?» [3, с. 134]. Прожив долгую совместную жизнь, пережив вместе не одно несчастье, расставаясь и снова объединяясь, супруги пронесли свои чувства, оставаясь влюбленными друг в друга до самого конца. В стихотворении «Школа» Ким проводит параллель между семейной жизнью и учебой, ассоциируя первый класс с началом отношений («праздник ласок и баляс» [4, с. 282]). Второй класс, по теории Кима, характеризуется «перебранками и разборками» [4, с. 282]. Себя и свою супругу автор называет «докторами наук», у которых «последний курс ученья – понимание и прощение» [4, с. 282]. Поэт приходит к выводу, что это преувеличение, ведь за всю жизнь они научились лишь «обоюдно терпеть» друг друга: «А прощенье с пониманьем... / ...Постигаются порою / Лишь пред самую чертогу, / А бывает, что и за...» [4, с. 283].

Ким пытается дать название их совместной жизни, подбирая разные синонимы: «страсть, привычка, альянс-мезальянс, уваженье, терпенье», но не находит подходящего слова [4, с. 298]. В конце концов он понимает, что у них с супругой сложились уникальные, неповторимые отношения: «Это только с тобою у нас. / За всю историю мира» [4, с. 298].

Следующее стихотворение вторит очерку Ю. Кима «Путешествие к маяку», в котором рассказывается и о его последнем походе к маяку на Камчатке в 1995 году. Поэт перечисляет все, что увидел и перенес в дороге до пункта назначения и обратно, включая полет на самолете, поездку на «газике по шоссе», «долгий перевал», грунтовку, причал, дождь, «дикий шторм», «пустынной косу», «дохлую нерпу на песке» и «катер в траве» [4, с. 295]. Ким заканчивает стихотворение иносказательными строчками, показывая, что на протяжении всего времени он стремился именно к Ирине: «Я всё время шел в Полтаву / Я все время шел к тебе» [4, с. 296].

В 1995 году, находясь в больнице, Юлий Ким пишет цикл стихотворений, посвященных супруге, под названием «Письма Ирине». В строках возникает образ жены, которую поэт с нетерпением ожидает в больнице, мысленным взором сопровождая ее в дороге на белых «Жигулях». Нежность, которую поэт испытывает к супруге, выражается в уменьшительно-ласкательных формах слов («тихонечко, жигуленок»): «Заржал твой белый жигуленок / И поскакал ко мне, как шустрый жеребенок» [4, с. 271].

Ким показывает, что они с супругой две половинки одного целого («Просто мы с тобой одна сатана [4, с. 291]»), не переставая изумляться, какое значение она для него имеет и как он о ней беспокоится: «И понял я, что в этом мире / Я очень за тебя боюсь» [4, с. 297]. Поэт не скрывает своих чувств к жене, признаваясь ей в любви в стихотворениях, многократно повторяя производные от слова «любовь»: «Люблю, люблю» – дружок, не булькай... / ...Давай напишем: “Ирка с Юлькой”. / Вот – чистый медицинский факт» [4, с. 270], «Люблю ужасно, до смерти люблю» [4, с. 275], «И все небо собой заслонила, / И все звезды, и солнце, и месяц... / “Вот, любимый, какое имею / Я значенье для тебя”» [4, с. 274 – 275]. Ким, стилизуя стихотворение «Я вас люблю» под «Я вас любил», употребляет настоящее время. Он признается, что любит жену, но не так сильно, как она, а «слабее, бездарней, эгоистичнее, неблагодарней и, вероятно, меньше, чем себя» [4, с. 109]. Перефразируя слова классика, автор сравнивает любовь Ирины со своими песнями, без которых его жизнь была бы невозможной и бессмысленной: «Я тем живу, что песни сочиняю, / И тем живу, что вами я любим» [4, с. 110]. В стихотворении, написанном еще в 1978 году, Ким говорит о жене как о единственной и неповторимой женщине («Но ты есть ты. И ты – одна, / И голосом, и нравом»), которую он любит, несмотря на трудности и ссоры, ими перенесенные («Сквозь мат, / Сквозь лагерный замес, / Сквозь нервы и истерику»): «Такую женщину, как ты, / Я никогда не встречу. / Вразброс отдельные черты / Замечу и отмечу» [4, с. 109].

Образ Ирины многосторонний: она предстает перед читателем то своенравной княгиней, гордой красавицей, у которой болит душа и «сердце ждет и ноет, что вот придет – и успокоит» [4, с. 281], то принцессой-революционеркой, которая везет «в хрустальном башмачке, под левой пяткой» «листок, набитый доверху крамолой» [4, с. 288]. Интересно заметить, что такое сравнение неслучайно: Ирина Якир вместе с мужем работала над «ХТС», занималась сбором информации. Поэт изображает жену и королевой, восходящей на ложе «без мантии и не в короне», «без томленья, игры и восторга», которая «замирает уютным калачиком под теплой монаршей рукою» [4, с. 292], и богатой наследницей, которая «всю посуду сама перемывает», ходит по своему фамильному замку, «крепко сбитому и красиво подзапущенному» [4, с. 289]. Но все эти образы сопровождаются любящим нежным насмешливым взором супруга, который улыбается, глядя на нее. Ким вводит в песни, посвященные супруге, снижающие образы и бытовые детали. Произведения автора построены на противопоставлении божественного и человеческого, возвышенного и сниженного, чудесного и обыденного. Однако снижающие детали приобретают черты возвышенного, что является проявлением оксюморонности.

Ю. Ким испытывает угрызения совести, что не сделал своих близких людей счастливыми, недостаточно любил жену, был неблагодарен и невнимателен к ней, порою предавал, причиняя боль: «Я ношу рубцы и шрамы – / Все, что я тебе нанес» [4, с. 289]; «О, как Господь сурово упрекнёт, / Что никому я счастья не дал, / Как подведёт и трижды носом ткнёт / В прах перед теми, кого я предал» [4, с. 281]. В стихотворениях автор говорит от имени супруги, в любви которой ни на минуту не сомневается, полагая, что его «гнусный грех всё-таки спасён / Её пожизненной любовью» [4, с. 281]. Ким также пишет о сложностях, возникавших в их с Ириной Якир супружеской жизни. Ссоры, расставания, «побеги» и возвращения отражаются в его стихотворениях: «Соберу, бывало, в ночь саквояж, / А на утро изумлюсь: / Что за блажь?» [4, с. 291]; «Навсегда с тобою я, / Несмотря на все побеги» [4, с. 289].

После смерти Ирины в мае 1999 года поэт перенес операцию по удалению злокачественной опухоли и находился в Израиле для окончательного восстановления. В этом же году поэт сочиняет стихотворение «Постскрипtum», в котором выражает глубокую тоску по любимой. Ким мечтает увидеть жену «живой, прекрасной и нетленной», понимая теперь, насколько глубокими были его чувства и какой бессмысленной и бесцветной стала жизнь без нее. Автор представляет, что супруга пришла к нему, озарив его своим светом и разогнав его уныние: «Услышу я, как ты зовешь. / Как канарейка, я спорхну с лежанки, / И на балкон. Там посреди лужайки / Ты машешь мне веселою рукой... / ...Ты, Солнышко, опять передо мной» [2, с. 164].

Кроме того, мы находим в данном цикле и яркие примеры пейзажной лирики: автор рисует картину за своим окном, умело сочетая просторечия и высокий стиль Пушкина («густые патлы, <...> Как Пушкин бы сказал: в своем цветном убранстве»). Олицетворения («Мне заслонило окно осенний строй берез, / Качают взад-вперед свои густые патлы»), метафоры, параллелизмы («Шумит осенний парк. / Сияет позолота осин. / Сверкает золото берез») придают изображенной природе особую живописность [4, с. 271].

Пейзажная лирика встречается в творчестве Ю. Кима нечасто, однако имеющиеся единичные стихотворения показывают мастерство поэта-художника. Прибалтийская природа в городе Пярну не могла оставить Кима равнодушным. В поэтических дневниках «Дожди в Пярну» он создает прекрасные пейзажные зарисовки, изображая природу, окружавшую его в Эстонии. Изображая городок, небо, море, побережье и дождливую ветреную погоду, автор широко применяет разнообразные средства выразительности: метафоры, олицетворения, красочные эпитеты: «Злобный рок / Вновь тащит мокрую завесу / На наш зеленый бережок» [1, с. 237]; «По прибалтийским небесам / Несется пасмурная зелень... / Весь в лужах берег возделенный / Прибой да ветер оглашенный» [1, с. 234].

В «Письмах» есть и философские стихи, в которых Ю. Ким задумывается о старости, конечности бытия, прошедшей молодости («Всё нам кажется – мы прежние. / Заблуждаемся, кажись»), близости смерти, говоря с иронией о своем новом времяпрепровождении: «детективчики, кружка киселя» [4, с. 269]. В позднем творчестве встречаются песни и стихотворения, в которых поэт размышляет над вечными темами: о счастье, человеческих отношениях, Боге и религии, сердце и разуме, старости и молодости, жизни и смерти. Автор смотрит на все с улыбкой и любовью, подсмеиваясь над людьми и самим собой. В стихотворении «Проходит сердце грустный опыт» Ким говорит о человеческом «своенравном» сердце, руководить которым, по его мнению, бессмысленно. Автор приходит к выводу, что нужно слепо следовать за желаниями, даже если не понимаешь, к чему они приведут: «Плетись, любезный, вслед за сердцем, / А вслед за чем спешит оно – / Как ни крутись, как ни усердствуй, / Не угадаешь все равно» [4, с. 77]. Задумываясь о наступившей старости и ушедшей молодости, поэт печалится о «краях непосещенных», «друзьях ненавещенных», о силах, которые его оставляют [4, с. 111]. Теперь он стремится к «равнодушному покою», «сублимируя в стихи» «все, что отпущено судьбою» [4, с. 111]. Кима поражает, как «удивительно бежит состаривание души» его, а от молодости ничего не остается [4, с. 111]. Но даже тут автор не теряет самоиронии, отмечая: «кто источается в силе, / кто – в слабости» [4, с. 113].

Тема религии затрагивается в поздних стихотворениях Кима. Поэт находит, что люди ошибаются, ища Творца на небе. По его мнению, Создатель находится не в небесах, а в окружающем мире, в животных, в любви и ненависти, в друзьях и врагах, человеческих глазах: «Бог явлен – здесь. В тебе да в людях. / В малейших проблесках любви», «Все небеса – в глазах окрестных, / В любом урде – Божий лик. / И в богохульствах самых мерзких / Звучит Божественный язык» [4, с. 120 – 121]. При этом поэт считает неважным, к какому вероисповеданию относится человек: «Гул талмуда, прана йоги, / Жизни лучшие дары – это боги».

Человеческие отношения всегда волновали Кима, что отразилось и в его творчестве. Автор ратует за великодушного самоотверженного человека с высокими духовными ценностями, осуждая жестокость, неискренность, непонимание, нетерпение, меркантильность, скупость, душевную слепоту, присущую людям и ему в том числе: «Я слаб еще, и слеп, и скуп» [4, с. 116]. Поэт ищет благородство в окружающих, «когда люди жертвуют не в долг», но не находит этому ни единого примера [4, с. 116]. Поэт иронизирует, что, несмотря на внешнюю доброжелательность к людям, у каждого человека есть своя правда и своя точка зрения, и никто не желает считаться с чужим мнением: «И каждый прав, и каждый зряч, / Доброжелателен к другому» [4, с. 115].

Таким образом, в любовной, пейзажной и философской лирике Ю. Ким выступает мудрым философом, художником, говоря о любви, о своих переживаниях, размышляя над вечными темами. Для лирических песен Ю. Кима характерно обращение к фольклорным образам, умелое использование народного языка и в то же время владение литературным русским языком. Его язык совмещает и высокопарные фразы, и разговорные реплики. В серьезных и трогательных произведениях находится место для шутки, насмешки, самоиронии. Очевидно, что данная тема нуждается в дальнейшем изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким Ю. Антология сатиры и юмора России XX века. Том 38 / Ю. Ким. – М.: Эксмо, 2005. – 432 с.
2. Ким Ю. Белеет мой парус / [сост. Р. Шипов] / Ю. Ким. – М.: Локид-Пресс, 2002. – 448 с.
3. Ким Ю. Однажды Михайлов / Ю. Ким. – М.: Время, 2004. – 496 с.
4. Ким Ю. Стихи и песни / [послесл. Б. Сарнова] / Ю. Ким. – М.: Время, 2007. – 576 с.